

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-102-116

Александр Викторович ПАДИРЯКОВ

Государственная корпорация «Ростех»

Гоголевский бульвар, 21, Москва, 119991, Российская Федерация

a.v.padiryakov@rostec.ru

ORCID: 0000-0002-2848-1358

УБЫТКИ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПО ПРАВУ ФРГ

ВВЕДЕНИЕ. В настоящем исследовании предлагается взгляд на понятие убытков и другие договорные средства защиты по праву ФРГ и Англии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Настоящее исследование основано на значительном объеме материалов: законодательных актах, решениях судебных учреждений Великобритании и ФРГ, а также на классических и современных доктринальных исследованиях российских и зарубежных юристов. Методологическую основу исследования составили общенаучные (метод логического и системного анализа, диалектический метод, методы дедукции и индукции) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод правового моделирования и прогнозирования) методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное сравнение категорий убытков и иных договорных механизмов защиты прав юридических и физических лиц по праву ФРГ и Англии показывает различия между правовыми системами, к которым относятся выбранные для исследования страны. Различные правовые системы накладывают свой отпечаток на средства и механизмы правовой защиты. Некоторые средства защиты по английскому праву, не предусмотрены правом Германии. Существуют и институты, не получившие большого развития в Англии, но общепризнанные в Германии (напри-

мер, штрафные убытки в виде неустойки и исполнение в натуре).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Право ФРГ, относящееся к континентальной системе права, ставит целью принудить должника выполнить то, что он обязался, предоставляя способы обязать должника произвести исполнение обещанного на случай его отказа от добровольного исполнения. Такое средство правовой защиты в случае неисполнения договора, как взыскание убытков, выступает в качестве дополнительного инструмента в ситуации, когда по какой-либо причине не работают способы принуждения к исполнению обязательства. С точки зрения немецкой доктрины основным средством правовой защиты является возможность принуждения к исполнению договора, в то время как для английского подхода наиболее важной представляется перспектива взыскания убытков. Таким образом, для английского права первичен вопрос не о содержании обязательства, а о неблагоприятных последствиях его нарушения. Английская правовая доктрина при оценке неисполнения обязательства главным образом исходит из соображений коммерческой целесообразности и экономической эффективности, в то время как немецкая учитывает также моральный аспект неисполнения договора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское право, убытки, заранее оцененные убытки, исполне-

ние в натуре, средства правовой защиты, Англия, Германия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Падиряков А.В. 2018.

Убытки как одно из средств правовой защиты по праву ФРГ. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 102–116.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-102-116

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-102-116

Alexander V. PADIRYAKOV

State Corporation "Rostec"

21, Gogolevskii bul'var, Moscow, Russian Federation, 119991

A.V.Padiryakov@rostec.ru

ORCID: 0000-0002-2848-1358

DAMAGES AS ONE OF THE REMEDIES UNDER THE LAW OF GERMANY

INTRODUCTION. *This survey presents overview of damages and other contractual remedies under law of Germany and law of England.*

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on a considerable amount of materials, including legal acts, decisions of judicial institutions, national legislation of England and Germany, as well as classical and contemporary doctrinal studies of Russian and foreign lawyers. The methodological basis of the research was the general scientific methods (logical and system analysis, the dialectical method, methods of deduction and induction) and special methods of cognition (historical and legal, comparative legal and formal legal methods, method of legal modeling and forecasting).*

RESEARCH RESULTS. *The present comparison of damages and other contractual remedies available to legal entities and individuals under law of Germany and law of England shows the differences of legal systems of these countries. The differences in the legal systems entail the differences in remedies and its implementation. There are remedies under the law of England which are not contained in German law and there are remedies not very well developed*

in England but widely upheld by the law of Germany (for instance punitive damages and specific performance).

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Provided that German law is a classical representative of continental legal system it targets to force a debtor to perform its obligations via well developed means of forcing in case a debtor fail or reject to perform in a due course. Damages in the case of contractual misconduct are regarded as a supplementary instrument applicable in situations where performance forcing means could not be applied for some reason. From the German academic approach standpoint the performance in kind is the main remedy, at the same time for the English law approach the most important thing is whether damages could be recovered. As a result for the English law the main question not in the content of an obligation but in negative consequences of its breach. English law doctrine evaluating breach of contract takes into account mainly commercial applicability and economic efficiency, meantime the German law takes into account moral aspect as well.*

KEYWORDS: *civil law, damages, liquidated damages, specific performance, indemnity, remedies, England, Germany*

FOR CITATION: Padiryakov A.V. Damages as

one of the Remedies under the Law of Germany. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 1. P. 102–116.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-102-116

1. Введение

В коммерческой практике российские компании часто заключают договоры с партнерами из ФРГ, Швейцарии и Австрии. Вместе с тем такие партнеры часто настаивают на применении к договорам немецкого права как самого понятного и наиболее известного им. В связи с тем, что не всегда обстоятельства позволяют российским компаниям настаивать на использовании российского либо часто применяемого для международных сделок английского права, представляется полезным изучить основные способы защиты прав по немецкому праву. Для удобства далее будет произведен анализ соответствующих норм права Германии в сравнении с правом Англии.

Следует отметить, что в последнее время немецкая система средств правовой защиты в связи с нарушением договора была существенно переработана и реформирована Законом о модернизации обязательственных прав от 26 ноября 2001 г. До данной реформы Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) не содержало общего принципа ответственности в виде взыскания убытков за нарушение договора. На практике суды при взыскании убытков исходили из норм ГГУ, содержащихся в особенной части Уложения, в отношении нарушения каждого отдельного вида обязательств, что подчеркивает близость немецкого и римского права, построенного на системе отдельных видов исков. Так, нормы, регулировавшие договор купли-продажи, также устанавливали последствия его нарушения, например, такие, как расторжение договора и уменьшение цены. В текущей редакции ГГУ основные вопросы защиты прав пострадавшей стороны при нарушении договора урегулированы единообразно в общей части Уложения. Другой особенностью немецкого права, приведшей к реформе, являлась независимость друг от друга средств правовой защиты за каждое нарушение обязательств по договору.

Вместе с тем реформа не устранила существенные отличия немецкого права от английского. Одним из основных отличий является механизм принудительного исполнения обязательства в натуре. Если английское право подразумевает, что при нарушении договора пострадавшая сторона «забывает» о нем и пытается получить компенсацию иным образом, т.е. посредством возмещения убытков [Томсинов 2015:100–114], то в соответствии с нормами немецкого права нарушившей стороне дается второй шанс – предоставляется период для устранения недостатков в исполнении договора (*Nachfrist*).

Другим существенным отличием немецкого права от английского является принцип, согласно которому ответственность у стороны, нарушившей договор, возникает при наличии вины. Если английское право в первую очередь рассматривает неисполнение обязательства по договору как нарушение договора и основание для возникновения ответственности стороны и лишь в качестве исключения допускает случаи освобождения от ответственности [Гаджиев 2017:65–85], то немецкое право не считает неисполнение обязательства по договору самостоятельным основанием для возникновения ответственности [Rabel 1936]. Английская правовая система рассматривает обязательство по договору как гарантию достижения результата, предусмотренного договором [Падирыков, Барабаш 2015:44–48]. Недостижение результата является основанием для возникновения ответственности не исполнившей обязательство стороны. Немецкое право исходит из того, что лицо, давшее договорное обязательство, должно сделать по возможности все для его исполнения и не должно подвергаться мерам ответственности, если предприняло все необходимые усилия. Даже если результат, предусмотренный договором, не достигнут.

2. Основная часть

2.1. Средства правовой защиты после реформы 2002 г.

В результате реформы 2002 г. ГГУ предусматривает три основных средства правовой защиты: принудительное исполнение в натуре (§ 241 I), прекращение договора (§ 314, §§ 323–325, §326 V, §§ 346–354) и взыскание убытков (§§ 249–255, §§ 276–278, §§ 280–284).

При этом немецкому праву известны три основных вида нарушений исполнения. Два первых вида нарушений можно отнести к нарушениям исполнения обязательства (*Leistungspflicht*), т.е. обязательства должника выполнить какое-либо действие или воздержаться от какого-либо действия в соответствии с договором. Соответствующее право кредитора требовать предоставления от должника изложено в § 241 I ГГУ. Первый вид нарушения возникает, если должник имеет возможность исполнить обязательство, но не делает этого (§ 280 II, § 281, §§ 286–292, § 323 ГГУ), второй – если исполнение невозможно (§ 275, § 283, § 311a, § 326 ГГУ) [Нам 2017:262–282]. Третий вид нарушения – нарушение «защитных обязательств» (*Schutzpflichten*). В данном случае должник исполняет обязательство, но также нарушает дополнительные «защитные обязательства», например наносит физические повреждения кредитору. Данные обязательства представляют собой отдельную категорию, специфичную для немецкого права, и всегда являются «побочными», поскольку целью заключения договора является исполнение иных обязательств. Таким образом, одна из особенностей немецкого договорного права состоит в обязательстве не причинять вред при исполнении договора (§ 241 II ГГУ).

В целом в результате реформы ГГУ удалось выработать унифицированный подход к регулированию последствий нарушения обязательств. В частности, была принята унифицированная концепция нарушения обязательства. Просрочка, невозможность исполнения, несоответствие исполнения условиям договора рассматриваются как нарушение обязательства (*Pflichtverletzung*).

Важно понимать, что ответственность не следует автоматически за нарушением договора. В случае, когда налицо нарушение договора, должник все еще может выдвинуть возражения против привлечения его к ответственности. Они должны корреспондировать средству правовой защиты, которое выбрано пострадавшей стороной. Немецкое право определяет нарушение договора как отсутствие его исполнения либо ненадлежащее исполнение. Если договор не исполнен должным образом, пострадавшая сторо-

на может использовать три основных средства правовой защиты, как указано выше.

Во-первых, пострадавшая сторона может потребовать исполнения в натуре. При этом нарушивший договор контрагент может быть освобожден от ответственности, если докажет, что исполнение было невозможно. Сторона освобождается от обязанности по исполнению в натуре независимо от того, возникла ли невозможность такого исполнения по ее вине (§ 275 ГГУ). Кроме того, ГГУ предусматривает, что должник может отказаться от исполнения, если оно потребует затрат, которые, принимая во внимание содержание обязательства и требования доброй совести, находятся в грубом несоответствии с интересом кредитора в исполнении. Вместе с тем такой поход не лишает кредитора иных прав. Даже если исполнение невозможно в связи с обстоятельством непреодолимой силы, должник, не исполнивший обязательство, нарушает договор. Но это не означает, что такой должник автоматически должен будет компенсировать убытки пострадавшей стороне.

Обстоятельства, освобождающие лицо от ответственности за неисполнение договора, тем не менее не позволяют считать его не нарушившим договор. Некоторые случаи нарушения договора позволяют взыскивать убытки, даже если обязанность исполнять договор исключена. Данное «противоречие» разрешается, если иметь в виду, что права, возникающие из нарушения договора, нужно отличать от самого нарушенного договора. Параграф 275 ГГУ освобождает должника только от исполнения в натуре, что прямо следует из абз. IV данного параграфа.

Представляется правильным дополнить нормы российского права, а именно ГК РФ, аналогичными положениями, так как на практике, действительно, часто невозможно или непропорционально обременительно исполнять договор в натуре. Например, продавец должен поставить покупателю станок, который производился хозяйственным обществом, признанным банкротом и прекратившим свою деятельность.

Проблема исполнения в натуре при невозможности исполнения отсутствует в английском праве, поскольку предпочтение в качестве средства правовой защиты в целом, безусловно, отдается взысканию убытков по сравнению с исполнением в натуре. Крайне маловероятно, что английский суд вынесет решение об исполнении в натуре в случае, если такое исполнение будет невозможным либо чрезмерно обременительным.

Вместе с тем возможен и иной подход. Например, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. (далее – Венская конвенция) не исключает требования об исполнении в натуре в случае невозможности такого исполнения (п. 5 ст. 79).

Во-вторых, пострадавшая сторона может использовать такое средство правовой защиты, как взыскание убытков. Одним из основных требований немецкого права является требование предоставить нарушившему контрагенту дополнительный период времени для исполнения договора (§ 281 I ГГУ). Также при взыскании убытков важен такой аспект, как вина нарушившей стороны. Если до реформы ГГУ вина являлась необходимым элементом для оценки того, имело ли место нарушение договора, то в настоящее время это определяется на основании объективных факторов – отсутствия исполнения либо ненадлежащего исполнения. Вместе с тем наличие вины является необходимым условием возникновения ответственности за нарушение обязательства (§§ 276 и 280 I ГГУ). При этом наличие вины презюмируется, и лицо, возражающее против привлечения его к ответственности, должно доказать ее отсутствие.

В-третьих, пострадавшая сторона может расторгнуть договор. Реформа устранила существовавшую ранее несовместимость между возможностью расторгнуть договор и взыскать убытки (§ 325 ГГУ). Но есть серьезное различие между этими двумя средствами правовой защиты [Громов 2016:7–46]. В частности, для того чтобы расторгнуть договор, сторона не должна доказывать наличие вины у контрагента, нарушившего обязательство. Вместе с тем вина является необходимым элементом для возможности взыскать убытки. Кроме того, сторона может расторгнуть договор в тех случаях, когда исполнение в натуре исключено в соответствии с § 275 ГГУ. Аналогичные правила в отношении расторжения закреплены в Венской конвенции (п. 5 ст. 79).

В отличие от права Франции право Германии не предусматривает необходимости обращаться в суд для расторжения договора [Усачева 2014:128–155]. При этом, как уже упоминалось, в большинстве случаев кредитор должен предоставить должнику дополнительный срок для исполнения обязательства (§ 323 ГГУ). Следует отметить, что если основанием расторжения договора является несоответствие исполнения условиям договора, то кредитор не вправе отказаться от сделки в случае

несущественного отклонения исполнения от ее условий.

Требование немецкого права дать должнику еще один шанс для исполнения договора (дополнительный срок) в целом соответствует стремлению выдвинуть на первый план исполнение в натуре и желанию сохранить договор. Другой отличительной чертой норм немецкого права в отношении расторжения договора является отсутствие требования, чтобы сторона, заявляющая об отказе от договора, была лишена того, на что рассчитывала при его заключении. Как известно такое требование содержится в российском праве и Венской конвенции.

Текст ГГУ после реформы предусматривает последствия расторжения договора. В соответствии с § 346 ГГУ, если по договору одной из сторон предоставлено право на отказ от него либо это право принадлежит ей в силу закона, то в случае такого отказа эта сторона должна возратить все полученное и передать извлеченные из пользования им доходы. На практике сложности возникают, если невозможно вернуть полученное по сделке. В соответствии с § 346 ГГУ взамен возврата или передачи должник обязан возместить стоимость полученного или доходов, если (1) возврат или передача исключаются в силу природы того, что приобретено; (2) полученный предмет использован для потребления, отчужден, обременен, переработан или преобразован; (3) полученный предмет подвергся ухудшению либо утрачен. Если товар утрачен, находясь во владении покупателя, который проявлял должную заботливость, то он не обязан компенсировать стоимость товара при расторжении договора.

2.2. Понятие «убытки». Возмещение убытков

Как указано выше, возмещение убытков является одним из основных способов защиты права, предусмотренных ГГУ. Его отличительные черты в Германии формируют следующие аспекты.

При взыскании убытков взамен исполнения пострадавшая сторона должна предоставить нарушившей стороне дополнительный разумный срок на исполнение или на последующее исполнение. И только в случае, если это окажется безрезультатным, нарушившая договор сторона может быть привлечена к ответственности (§ 281 ГГУ).

Просрочка должника является основанием для взыскания убытков. Такие убытки могут быть взысканы отдельно (§§ 280, 286 ГГУ). При этом должник считается просрочившим исполнение с момента получения напоминания кредитора, сделанного после истечения срока исполнения.

Если исполнение невозможно, взамен могут быть взысканы убытки (§§ 280 и 283 ГГУ). Взыскание убытков также может быть использовано при нарушении дополнительных прав (§§ 280 и 282 ГГУ).

Вместо возмещения ущерба, заменяющего исполнение, кредитор вправе потребовать возмещения расходов, которые он, рассчитывая на исполнение, произвел и по справедливости мог произвести, если только их цель не была бы достигнута и без нарушения обязательств со стороны должника (§ 284 ГГУ).

Германское гражданское уложение выделяет три основных вида убытков: убытки взамен исполнения (§ 280 III ГГУ), убытки за просрочку (§ 280 II ГГУ) и убытки наряду с исполнением или «простыми» убытками в соответствии с § 280 I ГГУ [Zimmermann 2002].

С формальной точки зрения термин *Schadensersatz*, используемый ГГУ в § 280, имеет более широкое значение, чем российское слово «убытки» или английское выражение *damages*, так как означает не только денежную компенсацию понесенного ущерба, но и возмещение вреда в целом. Более точным аналогом термина «убытки» в смысле денежной компенсации является термин *Schadensersatz in Geld*. Вместе с тем, конечно, именно возмещение в денежном выражении используется на практике. Более того, возмещение в натуре дублировало бы исполнение в натуре, и речь не шла бы об отдельном средстве правовой защиты.

В связи с этим широко распространено мнение, что под «убытками взамен исполнения» (*Schadenersatz statt der Leistung*) и «убытками за просрочку» (*Versögerungsschaden*) понимается возмещение в денежном выражении [Treitel 2003]. При этом Герман Ланге и Готфрид Шиман считают, что в качестве компенсации убытков в порядке исключения могут предоставляться товары, в отношении которых заключалась сделка, если такие товары являются, например, дефицитом в период кризиса [Lange, Schiemann 2003:220]. Как было указано выше, такой подход приравнивал бы возмещение убытков к исполнению в натуре.

Таким образом, по мнению большинства исследователей, как английское, так и немецкое право понимает под взысканием убытков приве-

дение стороны, чьи права были нарушены, в такое положение, как будто нарушения не было, посредством денежной компенсации [Treitel 2003].

Данный подход нужно отличать от того, при котором сторона, чьи права нарушены, имеет возможность получить компенсацию, которая возвращает ее в положение, как будто бы нарушенный договор не был заключен. В таком случае речь идет об ущербе, который сторона понесла, полагаясь на исполнение договора, т.е. *reliance loss* в английском праве [Падирыков 2015:175–190]. В немецком праве такой ущерб также может быть компенсирован, но на основании § 284 ГГУ.

2.3. Природа и цель возмещения убытков

Одним из важнейших аспектов возмещения убытков как средства правовой защиты является их компенсационная направленность (*Ausgleichsprinzip*) [Lange, Schiemann 2003:9]. При расчете убытков следует исходить из ущерба, который нанесен пострадавшей стороне. Они не могут превышать такой ущерб.

Немецкое право исходит из того, что при расчете убытков учитывается ущерб, нанесенный пострадавшей стороне, а не прибыль, полученная стороной, нарушившей договор, что существенно отличает взыскание убытков от реституции. Английское право также традиционно не склонно признавать такую цель компенсации потерь, как реституция [Treitel 2003:928–932]¹, хотя тенденция может измениться².

Кроме того, важно отметить, что немецкое право не считает целью взыскания убытков наложение штрафа на виновную сторону. Так, немецкие суды даже отказываются приводить в исполнение решения иностранных судов, присуждающие штрафные убытки (*punitive damages*)³. При этом немецкое право допускает закрепление в договоре выплаты неустойки в случае неисполнения обязательства. В соответствии с § 339 ГГУ, если должник обязуется уплатить кредитору определенную денежную сумму в качестве неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, то вследствие просрочки должника неустойка подлежит уплате. Если исполнение со стороны должника заключается в воздержании от действия, то неустойка подлежит уплате с момента совершения действия вопреки договору. Вместе с тем § 343 ГГУ предусматривает, что если подлежащая

¹ *Surrey CC and Mole DC v. Bredero Homes Ltd.* [1993] 1 WLR 1361.

² *Jaggard v. Sawyer* [1995] 1 WLR 269; *Attorney General v. Blake* [2001] 1 AC 268.

³ BGHZ 118, 312 = JZ 1993, 261.

уплате неустойка несоразмерно велика, то по ходатайству должника она может быть уменьшена судебным решением до соответствующего размера. При оценке соразмерности неустойки следует принимать во внимание не только имущественный, но и всякий иной охраняемый правом интерес кредитора. После уплаты неустойки ее уменьшение не допускается.

Английское право не обеспечивает судебную защиту положений договора, предусматривающих выплату штрафной неустойки⁴. Вместе с тем в случае, если стороны заранее оценивают размер возможных убытков в результате нарушения сделки, не преследуя цель наказания лица, нарушившего договор [Будылин 2013:19–52], соответствующее соглашение с высокой долей вероятности будет признано в Великобритании действительным⁵. Кроме того, бремя доказывания штрафной природы такого соглашения, скорее всего, будет возложено на сторону, которая нарушила договор⁶.

2.4. Вина как необходимый элемент для взыскания убытков

Параграф 280 ГГУ предусматривает, что, если исполнение обязательства становится невозможным вследствие обстоятельства, за которое отвечает должник, последний обязан возместить кредитору убытки от неисполнения обязательства. Данный параграф закрепляет в немецком праве принцип ответственности при наличии вины. Дальнейшее уточнение это правило находит в § 276, в соответствии с которым, если не предусмотрено иное, должник отвечает за умысел и небрежность. Небрежным считается действие лица, которое пренебрегает обычной в гражданском обороте осмотрительностью. Следует отметить, что требование наличия вины также отличает такое средство правовой защиты, как взыскание убытков от расторжения договора.

Некоторые немецкие правоведы придерживаются мнения, что не следует преувеличивать значение различия между английским подходом к обязательству как «гарантии» и принципом возложения ответственности на основании вины [Zweigert, Kötz 1998:510]. Как в современной доктрине, так и в законодательстве «строгая» (*strict*) и «гарантированная» (*guarantee*) ответственность не означает, что обязательства должны быть ис-

полнены при любых обстоятельствах. Общее право исходит из того, что сторона, нарушившая обязательство, должна нести ответственность за нарушение, но не возводит это правило в абсолют [Treitel 2003:838–842]. Разница в подходах англо-американской и немецкой систем главным образом сводится к определению оснований неисполнения обязательства, позволяющих не исполняемому обязательству лицу не нести за это юридической ответственности в виде неблагоприятных последствий. При этом с практической точки зрения неважно, содержатся ли условия наступления ответственности в самом определении обязательства или выделены в отдельные основания. Кроме того, английское право широко закрепляет определенные стандарты поведения, соблюдение которых требуется от участников торгового оборота. Часто данные стандарты действуют в случае, если иные нормы права не налагают на должника более строгий стандарт исполнения обязательства. Примером такого случая может служить применение разд. 13 английского Закона о поставках товаров и услуг 1982 г., предусматривающего, что поставщик должен исполнять свои обязанности с разумной заботой и умением. При этом из разд. 16(3а) Закона следует, что наличие данного правила не исключает применения более строгих норм в отношении поведения поставщика, если они применимы.

В соответствии с § 276 I ГГУ понятие вины включает в себя как умысел, так и неосторожность. При этом важность принципа вины отчасти нивелируется за счет распределения бремени доказывания. Параграф 280 I ГГУ предполагает, что ответственность должника, нарушившего обязательство, презюмируется. Соответственно, обязанность по доказыванию отсутствия вины лежит на таком должнике. Из этого же принципа исходит немецкая судебная практика⁷.

Умысел предполагает знание всех относящихся к делу фактических обстоятельств, а также понимание обязательства должника. Таким образом, аргументом должника в пользу отсутствия вины может служить неверное восприятие реальной ситуации с точки зрения, как права, так и факта. Если должник проявит неосторожность, умысел будет отсутствовать, но условия для наступления ответственности все равно будут в наличии.

⁴ Dunlop Pneumatic Tyre Co. Ltd. v. New Garage & Motor Co. Ltd. [1915] AC 79.

⁵ Robophone Facilities Ltd. v. Blank [1966] 1 WLR 1428.

⁶ Philips Hong Kong Ltd. v. Attorney General of Hong Kong (1993) 61 BLR 41.

⁷ BGHZ 8, 239, дело № 117.

Если должник ошибается в отношении своего обязательства, т.е. в вопросе права, то в его действиях отсутствует умысел, как он подразумевается § 276 I ГГУ, хотя бы он и обладал информацией обо всех относящихся к делу фактах. Ответственность должника будет зависеть от того, найдет ли суд уважительными основания для ошибки. Суды неохотно идут на это. Дело в том, что юридические заключения клиент получает на свой собственный риск, понимая, что суд может занять иную юридическую позицию.

Ошибка должника в вопросе факта также исключает умысел. Аналогичным образом ответственность должника будет зависеть от того, найдет ли суд уважительными основания для ошибки. В данном случае по сравнению с ошибкой в вопросе права применяются менее строгие стандарты. Так, арендодатель не может нести ответственность перед арендатором за неустранение недостатков предмета аренды, если арендатор не проинформировал об этом другую сторону. Но важно, чтобы у арендодателя не было обязанности осуществлять проверку состояния объекта аренды. Но даже в этом случае арендодатель может быть освобожден от ответственности, если недостатки были скрытыми, и их нельзя было выявить во время осмотра.

Другим важным основанием освобождения от ответственности за нарушение обязательства является наличие препятствий для исполнения вне контроля должника. Если препятствие нельзя устранить, возникает следующий важный вопрос: вызвано ли это неосторожностью должника? Если препятствие устранимо, то необходимо понять, можно ли освободить должника от ответственности за ненадлежащее исполнение, вызванное соответствующим препятствием.

Наконец, вина должника может заключаться в том, что он по неосторожности (небрежности) пренебрегает стандартами заботливости (осмотрительности), которые служат защите интересов другой стороны.

Как было сказано выше, в немецком гражданском праве существует несколько факторов, которые существенным образом влияют на применение принципа вины, впрочем, не отменяя его. В первую очередь, это определение неосторожности и небрежности на основании объективного критерия [Treitel 2003:83]. Согласно § 276 ГГУ небрежным считается действие лица, которое пренебрегает обычной в гражданском

обороте осмотрительностью. Из текста параграфа следует, что речь идет не об индивидуальных способностях конкретного должника в части осмотрительности, а о соответствии его деятельности уровню осмотрительности, который другая сторона вправе ожидать от лица, действующего в соответствующей сфере предпринимательской деятельности.

Должник, заключая договор, предоставляет подразумеваемую гарантию, что он обладает всеми навыками и умениями, необходимыми для исполнения обязательства. Если, например, слесарь заключает договор на ремонт автомобиля в течение двух недель, он тем самым заявляет, что способен отремонтировать машину в течение двух недель. Очевидно, что должник в этой ситуации не может избежать ответственности за неисполнение договора в срок в связи с тем, что именно он не в состоянии починить автомобиль в указанный срок из-за нехватки навыков. Данный подход также подтверждается немецкой судебной практикой⁸.

Следующее изъятие из принципа вины касается денежных обязательств (*Geldschulden*). Интересно, что это правило поддерживается доктриной и судебной практикой, но напрямую не сформулировано в немецком законодательстве [Canaris 2011:519].

Более того, отсутствие денежных средств, финансовые затруднения не могут служить основанием освобождения от ответственности также в связи с исполнением иных (неденежных) обязательств. Таким образом, немецкое гражданское право исходит из того, что, заключая договор, лицо, берущее на себя обязательство, должно обладать достаточными навыками и финансовыми ресурсами для исполнения своего обязательства.

Параграф 279 ГГУ прямо вводит изъятие из действия принципа вины в отношении обязательств. Если предмет обязательства определен родовыми признаками, то, пока возможно предоставление вещи этого рода, должник отвечает за неисполнение и в том случае, когда неисполнение произошло не по его вине. При поставке товаров, определенных родовыми признаками, можно говорить о «гарантированном» обязательстве подобно тому, как оно понимается в английском праве.

Параграф 276 I ГГУ предусматривает возможность сторон зафиксировать уровень необходимой осмотрительности непосредственно в

⁸ BGH NJW 2000, 2812; BGH NJW 2001, 1786.

заключаемом ими договоре. В этом случае «строгость» ответственности регулируется соответствующей оговоркой в договоре. Данный подход подтверждается немецкой судебной практикой⁹.

В соответствии с § 287 ГГУ должник несет ответственность за случайно наступившую за время просрочки невозможность исполнения, за исключением случаев, когда убытки наступили бы и при своевременном исполнении обязательства. Кроме того, должник отвечает за любую небрежность, допущенную за время просрочки. Если должник не исполняет договор после получения напоминания, предусмотренного ГГУ (Mahnung), то несет риск случайной утраты предмета договора после получения соответствующего напоминания.

Германское гражданское уложение предусматривает наступление строгой ответственности за действия третьих лиц в определенных случаях. В соответствии с § 278 ГГУ должник несет ответственность за действия своего законного представителя и лиц, на которых он возложил исполнение своих обязательств, в том же объеме, что и за собственные.

Из вышеприведенного можно сделать вывод, что в определенных случаях немецкое законодательство отступает от использования принципа вины и приближается по своему действию к английскому праву. Отметим также, что в определенных случаях английское право, в свою очередь, не требует соблюдения принципа «гарантированности» обязательств. Так, например, в договорах на оказание юридических услуг в связи с представительством в судах, а также на оказание медицинских услуг от лица, предоставляющего услуги, требуется следование стандартам осмотрительности и заботливости, но не гарантированное предоставление результата. Данный подход подтверждается английской судебной практикой¹⁰.

Немаловажно, что немецкое гражданское право также допускает снижение стандартов осмотрительности в определенных случаях. Во-первых, как было указано выше, § 276 I ГГУ предусматривает возможность сторон зафиксировать уровень необходимой осмотрительности непосредственно в заключаемом ими договоре. При этом должник не может быть заранее освобожден от ответственности за умысел. На наш взгляд, данное положение ГГУ существен-

но препятствует коммерческому обороту, так как при определенных обстоятельствах стороны, являющиеся предпринимателями, могут лучше, чем законодатель, предвидеть последствия неисполнения определенных обязательств. Согласно принципу свободы договора, они должны, безусловно, быть вправе при необходимости как ограничивать, так и исключать ответственность за умышленное нарушение договора. Во-вторых, по договорам, не предусматривающим встречное предоставление (договор пожертвования, беспроцентный заем), должник не несет ответственности за «легкую» степень небрежности. В случаях особых отношений сторон сделки (например, супруги, родители и дети) стандарт осмотрительности снижается до уровня «заботливости при ведении собственных дел». Кроме того, стандарт осмотрительности может быть снижен в результате поведения кредитора. Если кредитор находится в просрочке принятия исполнения по договору, должник не несет ответственности за легкую небрежность (§ 300 I ГГУ).

2.5. Концепция «убытки вместо исполнения»

Данная концепция направлена на защиту кредитора, полагающегося на исполнение договора другой стороной. Ее целью является предоставление денежного эквивалента (замены) исполнения обязательства [Canaris 2011:512]. Параграф 281 I ГГУ предоставляет кредитору право на взыскание убытков за нарушение обязательства, на принудительное исполнение которого он имеет право.

Следует учитывать, что с точки зрения немецкого права сторона, обязательство в отношении которой нарушено, в первую очередь должна осуществить попытку получить исполнение данного обязательства в натуре. После того как такая сторона установила дополнительный период для исполнения обязательства и обязательство не было исполнено, у нее возникает право на взыскание убытков. Если сторона решает взыскать убытки, ее право на получение исполнения в натуре прекращается.

Требование установления срока для исполнения имеет большое значение для понимания природы и вида убытков, которые могут быть взысканы на основании § 281 I ГГУ (*Schadensersatz statt der Leistung*). Целью данного средства правовой защиты является предоставление кредитору замены исполнения в случае, если должник не

⁹ BGW NJW 1968, 2238, дело № 116.

¹⁰ Thake v. Maurice [1986] QB 644.

произвел исполнение после установления дополнительного срока (*Nachfrist*). Из этого следует, что убытки, которых невозможно было бы избежать в случае своевременного исполнения обязательства, не могут быть взысканы взамен исполнения. Помимо этого, убытки, которые произошли, пока исполнение еще было возможно, и которые не могут быть покрыты последующим исполнением, также не могут быть компенсированы на основании § 281 I ГГУ. Таким образом, на основании § 281 I ГГУ могут быть взысканы только убытки, возникшие в результате окончательного отсутствия исполнения (*endgültiges Ausbleiben der Leistung*). Отсутствие исполнения становится таковым, когда у должника отсутствует возможность произвести исполнение против воли кредитора, поскольку последний законно требует взыскания убытков вместо исполнения.

Следует отметить, что в случае, если исполнение договора состоялось, но был поставлен товар, не соответствующий условиям договора и нет смысла требовать установления дополнительного срока для поставки товара, убытки на основании § 281 I ГГУ не могут быть взысканы. Разберем эту ситуацию на примере. Если при строительстве дома подрядчику были поставлены некачественные строительные материалы и дом обрушился, нет смысла устанавливать дополнительный срок для поставки качественных материалов. Взыскание убытков в этом случае будет происходить на основании § 280 ГГУ – наряду с исполнением, а не вместо. В случае же, если стороной материалы не были поставлены в срок и убытки возникнут в результате дополнительных затрат на закупку у третьего лица, может быть установлен дополнительный срок. Исполнение обязательства в такой срок исключит возникновение вышеуказанных убытков. Также нет смысла устанавливать дополнительный срок для поставки, если товар закупался для перепродажи и момент для такой перепродажи упущен из-за отсутствия поставки в срок.

Параграф 281 I ГГУ предусматривает, что если должник исполнил обязательство в части, то кредитор может требовать убытки вместо всего исполнения, только если у него отсутствует интерес к принятию исполнения в части. Если исполнение произведено не в соответствии с договором, то кредитор не может требовать взыскания убытков вместо исполнения при условии, что исполнение не соответствует условиям договора незначительно.

Как было сказано ранее, до реформы ГГУ 2002 г. в немецком гражданском праве отсутствовала возможность одновременно расторгнуть договор и взыскать убытки, что создавало сложности при взыскании убытков вместо исполнения в случаях, когда договоры предусматривали встречное исполнение. Сторона, обязательство в пользу которой не было исполнено контрагентом, получала право расторгнуть договор и не исполнять встречное обязательство. При этом интересы такой стороны были фактически нарушены в случае, когда исполнение в ее пользу имело для стороны большую ценность и не компенсировалось полностью возможностью не исполнять встречное обязательство. В настоящее время данная проблема решена немецким законодателем. Параграф 325 ГГУ позволяет использовать такие средства правовой защиты, как расторжение договора и взыскание убытков, одновременно.

2.6. Взыскание издержек

Параграф 284 ГГУ предусматривает, что взамен взыскания убытков вместо исполнения кредитор может требовать взыскания издержек, которые он понес, справедливо полагаясь на получение исполнения от должника, если только цель издержек не была достигнута, даже если обязательство было исполнено должником. Условия взыскания издержек и убытков вместо исполнения совпадают. Основные требования: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, в отношении которого возможно принудительное взыскание в натуре, как это предусмотрено § 241 ГГУ; вина должника и, если это применимо, установление дополнительного срока, во время которого не произошло исполнение.

Природа взыскания убытков на основании § 284 ГГУ не является простой для понимания. Наиболее обоснованной в этом контексте представляется точка зрения, согласно которой немецкий законодатель понимал взыскание убытков в соответствии с § 284 ГГУ в более узком смысле, чем это принято в странах общего права, в частности в Великобритании [Canaris 2011:517]. В английском праве взыскание убытков, понесенных в расчете на исполнение договора, имеет своей целью поставить лицо, чье право нарушено, в положение, как будто бы сделки не было. Германское гражданское уложение, напротив, предполагает компенсацию убытков, которые были бы понесены и в том случае, если бы договор был исполнен другой стороной. Параграф

284 ГГУ не предполагает возмещение убытков, понесенных стороной в результате незаключения иных договоров, которые изначально могли бы быть заключены вместо нарушенного. Это объясняется тем, что если бы рассматриваемый договор был исполнен надлежащим образом, «конкурирующие» сделки не были бы заключены. Скорее всего, английское право, наоборот, на базе концепции *reliance interest* предоставило бы кредитору возможность компенсировать такие убытки. Ведь если бы нарушенного договора вообще не было, «конкурирующие» договоры могли бы быть заключены. В связи с этим можно отметить, что, как показывают материалы второй комиссии по реформированию немецкого гражданского права, термин «издержки» (*Aufwendung*) был выбран намеренно, для того, чтобы § 284 ГГУ толковался в узком смысле, т.е. как убытки в результате того, что лицо полагалось на исполнение по договору, а не на договор.

Кроме того, не совсем верно проводить аналогию между понятием *expectation interest* (то, что лицо ожидает получить в результате исполнения договора другой стороной), как оно сформулировано и применяется в общем праве, и взысканием издержек на основании § 284 ГГУ.

Можно предположить, что позиция немецких правоведов строилась на концепции, выработанной немецкими судами до реформы 2002 г. В соответствии с ней издержки являются инвестициями, которые должны принести прибыль в случае надлежащего исполнения договора. Если сделка не исполнена, то издержки предлагалось рассматривать как часть упущенной выгоды¹¹.

В действительности в английском праве *expectation interest* – это то, на что лицо рассчитывает в результате исполнения договора другой стороной, но не собственные издержки стороны [Fuller, Perdue 1936].

Как было указано выше, ГГУ прямо позволяет взыскивать издержки, понесенные в результате того, что кредитор полагался на исполнение договора. Можно констатировать наличие трех условий подобного требования. Во-первых, как уже отмечалось, должны существовать условия для взыскания убытков вместо исполнения. Во-вторых, кредитор должен понести издержки (*Aufwendungen*). Они не включают в себя потерю возможности заключения иных договоров. В-третьих, издержки должны быть понесены ввиду того, что кредитор получит исполнение по

договору. Наконец, расходы должны быть понесены разумно (*billigerweise*). Данная характеристика издержек трактуется в доктрине Германии неоднозначно. Некоторые авторы считают, что нет оснований ограничивать кредитора во взыскании издержек, которые он понес, рассчитывая на исполнение договора, и что такое ограничение будет нарушением прав кредитора [Canaris 2011:517]. Другие полагают, что в данном вопросе нужно исходить из того, что взыскиваемые убытки должны быть предвидимы другой стороной в момент заключения договора [Рашкуева (Кадырова) 2017:60–68].

Кроме того, подчеркнем, что издержки не подлежат взысканию, если в них не было бы смысла даже в случае надлежащего исполнения договора другой стороной.

2.7. Просрочка должника и ее последствия

Просрочка должника (*Verzug*) – вид ненадлежащего исполнения договора должником, предусмотренный § 286 ГГУ. Согласно этой норме помимо того, что должник не исполняет свое обязательство в срок (*Mahnung*), он делает это виновно и ему было направлено специальное напоминание. Право требовать взыскания убытков за просрочку в исполнении договора основывается на положениях § 280 ГГУ в совокупности с §§ 280 II и 286 ГГУ. Целью взыскания убытков за просрочку (*Verzögerungsschaden*) является предоставление кредитору компенсации за несвоевременное исполнение обязательства. Таким образом, обращение за взысканием убытков за просрочку не исключает требования об исполнении обязательства в натуре. Период, за который взыскиваются убытки за просрочку, ограничен периодом времени, когда возможно исполнение в натуре и кредитор не отказался от данного требования.

Для возникновения просрочки в смысле § 286 ГГУ требуется соблюдение четырех основных условий: (1) исполнение по договору возможно; (2) срок исполнения наступил, и кредитор может его потребовать; (3) должник получил соответствующее напоминание об истечении срока; (4) вина должника.

Следует учитывать, что с точки зрения немецкого гражданского права просрочка может существовать, только если сохраняется возможность исполнения обязательства. Если такой возможности нет, то должник освобождается от обязанности исполнения обязательства в натуре, как это предусмотрено § 275 ГГУ.

¹¹ BGH NJW 2000, 2342.

Просрочка имеет место, только если срок исполнения обязательства наступил и исполнение обязательства может быть истребовано кредитором. Наступление срока исполнения обязательства обусловлено договором сторон. Если положения договора по этому поводу неясны, срок считается наступившим сразу после заключения соответствующего договора (§ 271 I ГГУ). Выражение «исполнение обязательства может быть истребовано кредитором» означает, что не только срок исполнения обязательства наступил, но и у должника отсутствуют правовые основания не производить исполнение. Параграф 320 I ГГУ предусматривает, что лицо, обязанное по двустороннему договору, может отказаться от исполнения своего обязательства до исполнения встречного обязательства. Таким образом, по двусторонним договорам для возникновения просрочки на стороне одной стороны, другая сторона должна предоставить исполнение своего обязательства. Данный подход подтверждается немецкой судебной практикой¹². При этом следует иметь в виду, что правило § 320 I ГГУ может быть изменено соглашением сторон.

Параграф 286 I ГГУ требует направления должнику напоминания (*Mahnung*). Напоминание должно быть конкретным, безусловным и недвусмысленным¹³. Период просрочки отсчитывается с даты, когда оно было сделано. Кроме того, важная цель напоминания – информировать должника, что кредитор по-прежнему заинтересован в исполнении обязательства [Canaris 2003:322].

В соответствии с § 286 II ГГУ в ряде случаев напоминание не требуется.

Наконец, должник должен быть виновен в просрочке. Необходимость данного условия подтверждается немецкой судебной практикой¹⁴. Бремя доказывания отсутствия вины лежит на должнике. Некоторые немецкие правоведы считают, что наличие вины должно определяться на момент получения должником напоминания [Kohler 2004:961].

Просрочка влечет три основных последствия: (1) возможность взыскания убытков за просрочку, (2) взыскание процентов и (3) расширение ответственности должника.

Право на взыскание убытков за просрочку призвано компенсировать ущерб, понесенный

в связи с ней (*Verzögerungsschaden*). Взыскание убытков за просрочку не затрагивает право на получение исполнения в натуре. Часто такими убытками являются дополнительные расходы, понесенные в связи с просрочкой.

Помимо этого, у кредитора в результате просрочки возникает право взыскания с должника, допустившего просрочку по денежному обязательству, процентов. В соответствии с § 288 ГГУ по денежному обязательству за время просрочки начисляются проценты. Взыскание их не рассматривается ГГУ как истребование убытков, в связи с этим у кредитора не возникает обязанности доказывать, что он понес ущерб в результате просрочки. При этом § 288 ГГУ прямо предусматривает предъявление претензии на возмещение дополнительных убытков. Они, в частности, могут возникать, если кредитор, действуя разумно, в результате просрочки был вынужден привлечь кредит по более высокой ставке, чем проценты, взыскиваемые на основании § 288 ГГУ. Их размер зависит от того, участвует ли в сделке, по которой допущена просрочка, потребитель. Если да – ставка процента превышает на пять пунктов базовую ставку, определяемую Европейским центральным банком, в противном случае – на восемь пунктов.

Еще одним последствием просрочки для должника является расширение его ответственности (*Haftungsverschärfung*). В соответствии с § 287 ГГУ должник отвечает за любую неосторожность, допущенную при просрочке. Он отвечает также за случайность, если только ущерб не возник бы и при своевременном исполнении.

2.8. Убытки наряду с исполнением

Убытки наряду с исполнением (*Schadensersatz neben der Leistung*), или «простые» убытки, взыскиваются на основании § 280 I ГГУ. Если должник нарушит свою обязанность, вытекающую из обязательства, кредитор вправе потребовать возмещение вызванного этим ущерба. Должник может быть привлечен к ответственности в случае, если он отвечает за свое нарушение, т.е. применяется принцип вины (§ 276 ГГУ). Вина должника презюмируется (§ 280 I 2 ГГУ).

Из вышеприведенного анализа следует, что немецкое гражданское право располагает значительным набором средств правовой защиты в случае нарушения должником обязательства.

¹² BGH NJW 1982, 2242; BGH NJW 1971, 421, дело № 114.

¹³ BGH NJW 1998, 2132; OLG Düsseldorf NJW-RR 1998, 1749.

¹⁴ BGH NJW 1972, 1045.

Важное место среди них занимает взыскание убытков. Для немецкого права характерно то, что компенсация убытков основывается на принципе вины, и это типично для континентального подхода. В целом, несмотря на то, что немецкое право представляется более схоластическим, чем английское, оно, безусловно, развито в части взыскания убытков достаточно для того, чтобы соответствовать современным требованиям гражданского оборота, и может быть рекомендовано российским сторонам для выбора при совершении международных сделок в ситуациях, когда отсутствует возможность подчинить правоотношения российскому праву.

3. Заключение

Право ФРГ, относящееся к континентальной правовой системе, ставит целью принудить должника выполнить то, что он обязался. Кредитору предоставляются разные способы обязать должника произвести исполнение обещанного на случай его отказа от добровольного исполнения. Такое средство правовой защиты в случае неисполнения договора, как взыскание убытков, выступает в качестве дополнительного инструмента правовой защиты в ситуации, когда по какой-либо причине неэффективны способы принуждения к исполнению обязательства. При этом с точки зрения немецкой доктрины основным средством правовой защиты является возможность принуждения к исполнению договора, в то время как для английского права наиболее важной представляется перспектива взыскания убытков. Таким образом, для английского права первичен вопрос не о содержании обязательства, а о неблагоприятных последствиях его нарушения. Английская правовая доктрина при оценке неисполнения обязательства главным образом исходит из соображений коммерческой целесообразности и экономической эффективности, в то время как немецкая учитывает также моральный аспект неисполнения договора.

Проведенное сравнение категорий убытков и иных договорных механизмов защиты прав сто-

рон в законодательствах ФРГ и Великобритании в первую очередь показывает различия между правовыми семьями, к которым относятся выбранные для исследования страны. Английское право – яркий пример системы общего права. Более того, в Великобритании эта система сложилась впервые, хотя большинство ее реципиентов внесли ряд корректив.

Сама по себе категория договорной ответственности логична, и основные механизмы ее универсальны. Убытки также являются объективной категорией. Соответственно, они служат средством правовой защиты в любой национальной системе права. При этом разные правовые семьи накладывают свой отпечаток на средства правовой защиты и механизмы их имплементации. Некоторые средства защиты по английскому праву, не предусмотрены правом Германии. Вместе с тем существуют и институты, не получившие большого развития в Англии, но общепризнанные в Германии (например, штрафные убытки в виде неустойки и исполнение в натуре).

Применение одного и того же средства защиты (наиболее ярким примером является натуральное присуждение) не только имеет разные механизмы, но и преследует разные цели. Так, для германского права исполнение в натуре – основной способ защиты в случае нарушения договора, который не связан ни с убытками, ни со штрафными санкциями, а для права Великобритании натуральное присуждение – исключительная мера.

Аналогичная ситуация и со штрафными договорными средствами: право Великобритании исходит из того, что штрафные убытки (неустойка) не подлежат взысканию и не защищаются судом. Немецкое право, напротив, имеет разработанную практику применения неустойки и как стимулирующей, и как компенсационной, и как штрафной меры воздействия на должника.

Список литературы

1. Будылин С.Л. 2013. Штрафные убытки. Теперь и в России? – *Вестник гражданского права*. № 4. С. 19–52.
2. Гаджиев Г.А. 2017. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права. – *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. № 4. С. 65–85.

ской Федерации. № 4. С. 65–85.

3. Громов А.А. 2016. Переход от исполнения обязательства в натуре к возмещению убытков: российское и германское регулирование. – *Вестник гражданского права*. № 1. С. 7–46.
4. Нам К.В. 2017. Невозможность исполнения обязательства в немецком гражданском праве. – *Вестник*

- гражданского права. № 4. С. 262–282.
5. Падирыков А.В., Барабаш Р.В. 2015. Заверения, гарантии и обязательства возмещения убытков в англо-американской и российской правовых системах. – *Международное публичное и частное право*. № 6. С. 44–48.
 6. Падирыков А.В. 2015. Взыскание убытков и согласованные средства правовой защиты по праву Англии и РФ. – *Закон*. № 7. С. 175–190.
 7. Рашкуева (Кадырова) Р.И. 2017. Обязательство возместить имущественные потери в договоре купли-продажи акций по российскому и по английскому праву. – *Право и экономика*. № 3. С. 60–68.
 8. Томсинов А.В. 2015. Мера убытков за недостоверные заверения в праве Англии и США. – *Вестник гражданского права*. № 5. С. 100–114.
 9. Трояновский А.В. 2016. Нарушение договора международной купли-продажи товара: средства правовой защиты продавца. – *Международное публичное и частное право*. № 3. С. 20–24.
 10. Усачева К.А. 2014. Расторжение нарушенного договора и взыскание убытков: некоторые проблемы соотношения. Сравнительно-правовой аспект (часть первая). – *Вестник гражданского права*. № 4. С. 128–155.
 11. Canaris C.W. 2003. Begriff und Tatbestand des Verzögerungsschadens im neuen Leistungsstörungenrech. – *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht*. No. 8. S. 321–327.
 12. Canaris C.W. 2011. Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. – *Juristen Zeitung*. No. 10. S. 499–594.
 13. Fuller L.L., Perdue, Jr. W.R. 1936. The Reliance Interest in Contract Damages. – *Yale Law Journal*. Vol. 46. P. 52–96.
 14. Kohler J. 2004. Das Vertretenmüssen beim verzugsrechtlichen Schadensersatz. – *Juristen Zeitung*. No. 19. S. 961–965.
 15. Lange H., Schiemann G. 2003. *Schadensersatz*. 3. neubearb. Aufl. Heidelberg: Mohr Siebeck. 826 s.
 16. Rabel E. 1936. *Das Recht des Warenkaufs: eine rechtsvergleichende Darstellung*. Bd. 1. Berlin: De Gruyter. 533 s.
 17. Treitel G.H. 2003. *Treitel on the Law of Contract*. 11th ed. London: Sweet & Maxwell. 1280 p.
 18. Zimmermann R. 2002. *Breach of contract and remedies under the new German law of obligations*. Sapienza; Rome: Centro di studi e ricerche di diritto comparato e straniero. 52 p.
 19. Zweigert K., Kötz H. 1998. *An Introduction to Comparative Law*. Oxford: Oxford University Press. 742 p.
 - and Trust in Justice as Fundamental Principles of Private Law]. – *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*. 2017. No. 4. P. 65–85. (In Russ.)
 6. Gromov A.A. Perekhod ot ispolneniya obyazatel'stva v nature k vozmeshcheniyu ubytkov: rossiiskoe i german-skoe regulirovanie [The Transformation From the Claim for Specific Performance to the Claim for Damages: the Russian and German regulations]. – *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2016. No. 1. P. 7–46. (In Russ.)
 7. Kohler J. Das Vertretenmüssen beim verzugsrechtlichen Schadensersatz. – *Juristen Zeitung*. 2004. No. 19. P. 961–965.
 8. Lange H., Schiemann G. *Schadensersatz*. 3. neubearb. Aufl. Heidelberg: Mohr Siebeck. 2003. 826 p.
 9. Nam K.V. Nevozmozhnost' ispolneniya obyazatel'stva v nemetskom grazhdanskom prave [Impossibility to Perform an Obligation in German Civil Law]. – *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2017. No. 4. P. 262–282. (In Russ.)
 10. Padiryakov A.V. Vzyskanie ubytkov i soglasovannye sredstva pravovoi zashchity po pravu Anglii i RF [Recovery of Damages and Contractual Remedies under the Law of England and Russia]. – *Zakon*. 2015. No. 7. P. 175–190. (In Russ.)
 11. Padiryakov A.V., Barabash R.V. Zavereniya, garantii i obyazatel'stva vozmeshcheniya ubytkov v anglo-amerikanskoi i rossiiskoi pravovykh sistemakh [Assurances, Guarantees and Obligations of Indemnification in Anglo-American and Russian Legal Systems]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2015. No. 6. P. 44–48.
 12. Rabel E. *Das Recht des Warenkaufs: eine rechtsvergleichende Darstellung*. Bd. 1. Berlin: De Gruyter. 1936. 533 p.
 13. Rashkueva (Kadyrova) R.I. Obyazatel'stvo vozmestit' imushchestvennye poteri v dogovore kupli-prodazhi aktsii po rossiiskomu i po angliiskomu pravu [Obligation to Compensate Property Losses in the Framework of Sales Contract under Russian and English Law]. – *Pravo i ekonomika*. 2017. No. 3. P. 60–68. (In Russ.)
 14. Tomsinov A.V. Mera ubytkov za nedostovernnye zavereniya v prave Anglii i SShA [Measure of Damages for Misrepresentations and False Warranties in the English and American Law]. – *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2015. No. 5. P. 100–114. (In Russ.)
 15. Treitel G.H. *Treitel on the Law of Contract*. 11th ed. London: Sweet & Maxwell. 2003. 1280 p.
 16. Troyanovskii A.V. Narusheniye dogovora mezhdunarodnoi kupli-prodazhi tovara: sredstva pravovoi zashchity prodavtsa [Breach of Contract of International Sale and Purchase of Goods: Remedies of the Seller]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2016. No. 3. P. 20–24. (In Russ.)
 17. Usacheva K.A. Rastorzheniye narushennogo dogovora i vzyskanie ubytkov: nekotorye problemy sootnosheniya. Sravnitel'no-pravovoi aspekt (chast' pervaya) [The Rescission of Contract and Recovery of Damages: certain problems of correlation. Comparative analysis (part 1)]. – *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2014. No. 4. P. 128–155. (In Russ.)
 18. Zimmermann R. *Breach of contract and remedies under the new German law of obligations*. Sapienza; Rome: Centro di studi e ricerche di diritto comparato e straniero. 2002. 52 p.
 19. Zweigert K., Kötz H. *An Introduction to Comparative Law*. Oxford: Oxford University Press. 1998. 742 p.

References

1. Budylin S.L. Shtrafnye ubytki. Teper' i v Rossii? [Punitive Damages. In Russia now?]. – *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2013. No.4. P. 19–52. (In Russ.)
2. Canaris C.W. Begriff und Tatbestand des Verzögerungsschadens im neuen Leistungsstörungenrech. – *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht*. 2003. No. 8. P. 321–327.
3. Canaris C.W. Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. – *Juristen Zeitung*. 2001. No. 10. P. 499–594.
4. Fuller L.L., Perdue, Jr. W.R. The Reliance Interest in Contract Damages. – *Yale Law Journal*. 1936. Vol. 46. P. 52–96.
5. Gadzhiev G.A. Printsipy spravedlivosti i doveriya k sudu kak fundamental'nye printsipy chastnogo prava [Justice

Информация об авторе

Александр Викторович Падиряков,
руководитель проектов по правовой поддержке между-
народной деятельности, Государственная корпорация
«Ростех»

119991, Российская Федерация, Москва, Гоголевский
бульвар, 21

A.V.Padiryakov@rostec.ru
ORCID: 0000-0002-2848-1358

About the Author

Alexander V. Padiryakov,
Head of Legal Support of International Activity Projects,
State Corporation "Rostec"

21, Gogolevskii bul'var, Moscow, Russian Federation, 119991

A.V.Padiryakov@rostec.ru
ORCID: 0000-0002-2848-1358